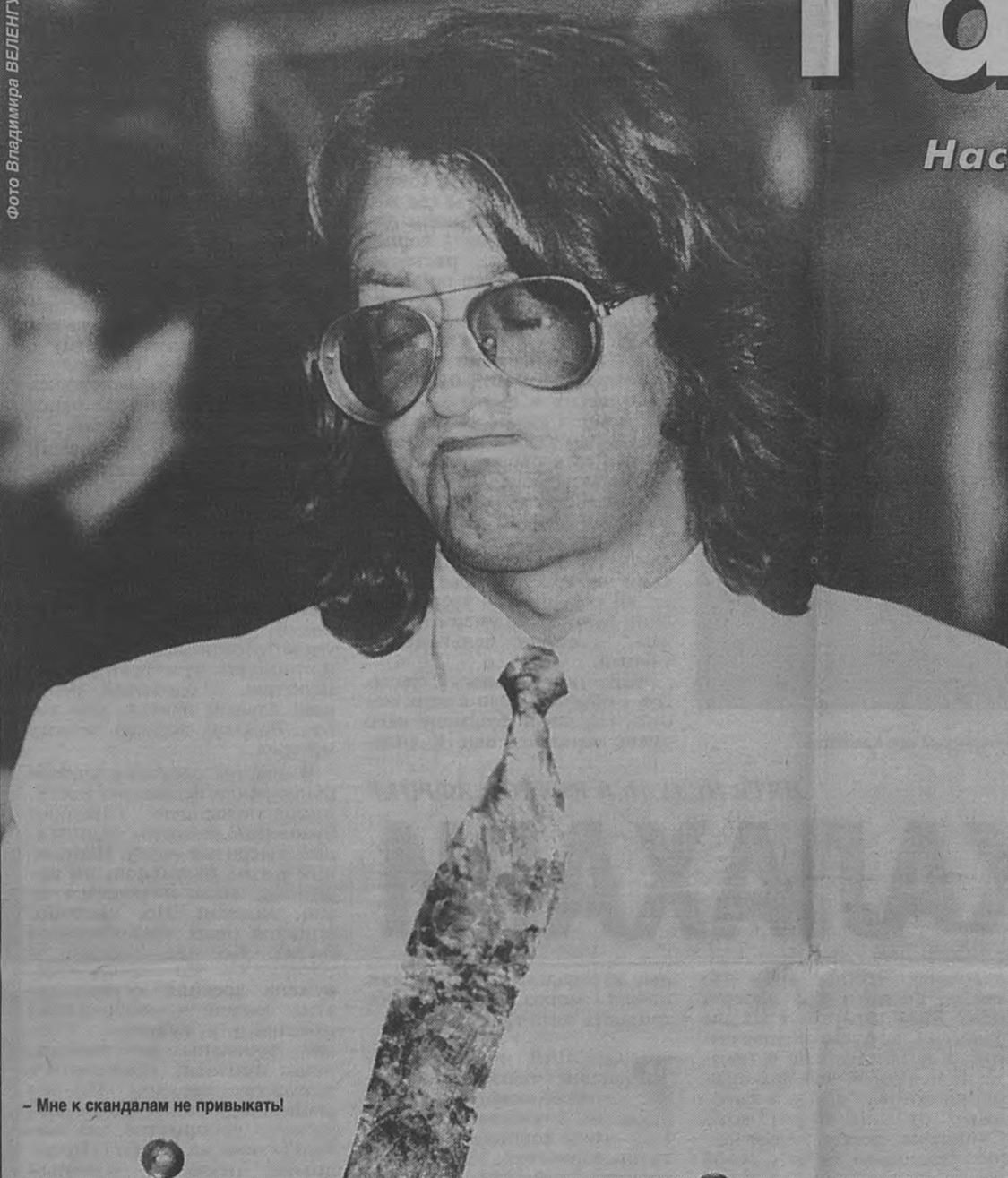

Фото Владимира ВЕЛЕНГУРИНА.

- Мне к скандалам не привыкать!

Гадский

Настоящего художника обидеть

- В смысле выпитого?

- Нет, выпить я могу много, но не потеряю голову из-за гулянки, застолья. Знаете, как у нас принято: а, гори оно все огнем, гудеть - так гудеть! Для меня это исключено. Максимум - часов до двух ночи посижу в компании с хорошими товарищами. А так, чтобы до утра, день, второй - нет. От бессонницы у меня нарушается кислотно-щелочной баланс. Ночью я должен спать.

- Раз уж вы из дома никуда не выбираетесь, наверное, могли бы и днем отоспаться?

- Днем я работаю. Похоже, вы забыли, но я ведь не только неологизмы о совках и журналистах придумываю, а музыку пишу. Правда, у меня не было телевизионной или радиальной раскрутки ни при каких генсеках - ни при прежних, ни при нынешнем, поэтому неумудрено, что вы не помните, чем я занимаюсь. Раз в два месяца меня выпускают на экран, но только для того, чтобы потом сказать: «Как это мы Гадского зажимаем? Показывали его, показывали». Уже и не вспомню, когда слышал свою песню по телевизору.

- Сравнительно недавно по Российскому каналу прошел ваш полноценный концерт.

- Это же два года пробивалось! Впервые в жизни мне дали эфир не после полуночи, а в прайм-тайм. Такого не было за 33 года, что я пою.

- На ТВ вас не жалуют, гастроли вы не проводите - остаются только концерты на кухне собственной квартиры, так?

- Иоганн-Себастьян Бах тоже не гастролировал. Раз в неделю

на них было бы безумием. Это публика вправе предъявить мне претензии.

- За что?

- Я часто обламывал своих зрителей. Скажем, единственной моей раскрученной песней за всю карьеру оказалась «Как молоды мы были». Разумеется, на концертах люди ждали, что я исполню ее на десерт. А мне не хотелось этого: песня не в моем стиле, не рок-н-роллная. И я нарочно не пел, как бы меня ни просили.

- А потом удивляетесь, что кое-кто оговаривается, произнося вашу фамилию.

- Но я же не только из вредности тогда упирался! Мне казалось важным успеть сделать на сцене главное - исполнить программные произведения. Если осталось бы время, тогда и сбавил бы «Как молоды мы были».

- Но времени не оставалось?

- Разумеется...

Знаете, в каком-то смысле я бульдозер. У меня и дочка такая: ее бесполезно пытаться сдвинуть, уперлась рогом - и все. Решает намертво. Козерог по Зодиак... Сказала: «Пойду в этих туфлях», - и пойдет, пусть родители на голову станоятся, слюной исходят. Впрочем, мы уже и не дергаемся - привыкли.

Так и я. Может, действительно потому Гадский, что был своенравен, непослушен?

- Был?

- Сегодня легко прослыть крутым. Любому, кому не лень, позволительно делать что угодно - пиши, говори, пой. Можно все! Это скучно... Я плел против ветра, но мочиться со всеми за компанию не буду...

- Построили персональный клозет?

- Я не туалет - театр строю. С благословения мэра Лужкова мне выделили здание, но чтобы реально получить ключи от бывшего кинотеатра «Буревестник», пришлось четыре с половиной года судиться. Моя правота была подтверждена юридически. Еще год заняла разработка проекта реконструкции. Сейчас заканчивается экспертиза этого документа. Затем начнется новый этап: поиск денег на строительство.

- Свои средства в театр вы не вкладываете?

- Почему я должен это делать? Во-первых, заработанные музыкой деньги необходимы мне для жизни. Эти суммы смешотворно малы, чтобы оказывать влияние на процесс реконструкции. Во-вторых, я ведь строю театр не лично для себя.

- Это будет театр песни?

- Я не знаю, что это такое. Какой-то журналистский бред!

- Почему журналистский? Алла Пугачева давно говорит, что собирается создать театр песни.

- Ну и пусть говорит. Вам зачем повторять? Или, может, вы готовы объяснить мне смысл этой бессмыслицы? Я хочу сделать музыкальный театр, в котором песне отводилась бы главная роль.

- Рок-песне?

- Вы вновь вынуждаете меня задать встречный вопрос: а что такое рок? Терпеть не могу термины, они ничего не объясняют, а только все запутывают.

- К примеру, могут у вас в театре запеть Гребенщиков или Шевчук?

- Но они же не поют! У обоих нет ни голоса, ни слуха. Названные вами господа - со-

- Для затравки ответьте, Александр, верите ли вы в закономерность совпадений?

- Абсолютно.
- Тогда картинка с природы. Вчера мне дважды кряду пришлось услышать, как совершенно разные люди вроде бы случайно оговариваются и теряют букву, произнося вашу фамилию. Вы, наверное, подозреваете, что получилось в итоге?

- Не люблю гадать.
- «Р» упало, и Гадский стал Гадским.

- Ну-у-у... Это старая хохма.

- Раз старая, значит, вы уже не обижаетесь?

- Я не вижу в себе ничего такого...

- Гадского?

- Ну да. И в глаза меня так еще никто не называл, в газетах было - читал, но чтобы в лицо...

- В лицо я лишь повторил чужие слова. Кстати, один из той пары - мой коллега, а второй - ваш. Не могу отвечать за музыканта, но от имени соратников по цеху возьмусь высказать предположение. Думаю, Гадский - это ответ на ваш ярлык «журналиги», коим вы наградили скромных тружеников пера.

- Уважаемый, старайтесь никогда не говорить от чьего-то имени, обходитесь своим.

- Я выступаю как радатель корпоративных интересов. Если бы меня назвали журналигой...

- А вас называли?

- Пока, кажется, нет.

- Вот пока и радуйтесь.

Есть журналисты и есть журналиги, не надо путать одно с другим.

- И каково, по-вашему, соотношение между первыми и вторыми?

- Журналистов процента три, не больше.

- Журналига - синоним сволочи?

- Это или плохой, непрофессиональный журналист, или журналист, пишущий для бульварных изданий. Но изначально я не вкладывал в термин «журналига» негативного смысла. Скорее в нем звучала ирония, потом уже оно, слово, превратилось в ярлык.

Такая же история приключилась и с «совком». В моих устах это было не ругательство, а некое снисхождение, даже любовь: что поделаешь, мы такие...

- И вы такие?

- И мы. Живой пример. Долгое время я оставался невыезженным, впервые серьезно попав за границу только в 38 лет - в 88-м году оказался в Штатах. А до этого меня выпускали только в Болгарию.

- Ну да: курица - не птица, Болгария...

- ... не заграница. Именно так. В ГДР визу мне уже не дали. А тут - сразу Америка. Ну ладно: это было в 88-м году.

Потом я десятки раз выезжал за рубеж, но так по сей день и не обзавелся кредитной карточкой. По-прежнему путешествую по миру с наличными деньгами, демонстрируя всем, что остаюсь классическим совком. Я ничего не понимаю в этих карточках, боюсь идти в ресторан, если в кармане не хрустят баксы. Как это я карточкой расплачиваться стану? А вдруг не примут? Какой позор!

Так что совок я. Впрочем, это слово ушло из моего лексикона. Повторяю: не нравится

- Могут у вас в театре запеть Гребенщиков или Шевчук?
- Но они же не поют! У обоих нет ни голоса, ни слуха. Названные вами господа - социально значимые персонажи, выражающие чаяния определенной группы населения и имеющие некоторое отношение к музыке и стихам.

мне смысл, который в него сейчас вкладывают. Тем более что обычно я предпочитаю называть вещи своими именами.

Если сволочь, то сволочь. Правда, с годами стараюсь избегать моментов, когда надо громкогласно объявлять кому-то, что он дерьмо. Наверное, с возрастом поумнел, понял, что это ни к чему. Такими заявлениями я никого не перевоспитаю, а гордиться собственной бескомпромиссностью еще более глупо. Лучше избегать контактов с тем, кто тебе неприятен.

- И часто приходится уворачиваться?

- Редко. По одной причине: я ни с кем не встречаюсь.

- Как это вам удается, живя в самом центре Москвы?

- Достаточно не выходить из дома.

- Это называется затворничеством?

- Я всегда так жил. Иногда выбирался в свет или в полусвет, смотрел на людей, себя показывал и... возвращался в себя. Например, у меня никогда не было модных у артистических натур загулов.

писал мессу для местной церкви, и этого ему хватило для всемирной славы.

- Я оценил сравнение.

- Почему бы и нет? Я ведь говорю о принципах профессиональной работы. Нужно различать протяженную во времени карьеру и взлет на два-три года. Ясно, почему спешат нынешние эстрадные герои: торопятся отработать вложенные в раскрутку деньги. Понятно, что спрос будет недолог: достаточно копнуть даже не лопатой, а... совком, чтобы убедиться в пустоте и бездарности этих ребят.

Я же стайер. Конечно, мне уже не собрать, как когда-то, десять стадионов подряд, но если сосчитать моих зрителей за все годы, то получится аудитория, которая и не снилась тем, на кого сегодня молится молодежь.

- Словом, к уменьшению числа поклонников вы относитесь философски?

- Без потерь прожить невозможно. На длинной дистанции я знал и взлеты, и падения - всяко случалось, но у меня такие слушатели, что обижаться